

Стогов Ф. Антон Чехов в воспоминаниях своего брата // Новое русское слово. 1933. 30 июля. № 7490. С. 8.

АНТОН ЧЕХОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СВОЕГО БРАТА

Откуда произошел «Антоша Чехонте». — На еврейской постолон двор. — Три странности. — Очень узкие брюки. — Москва тех лет. — Ка: атаман Ашинов завоевал французский «Эбок». — Стрельба в курицу. — Почему Чехов отказался от медицины. — Проказы Чехова и Левитана. — Банкет у «Медведя» в честь французов.

Семья была дружна. Отрочество А. П. Чехова проходило светло, во всяком случае, не омрачалось ни утеснениями старших, ни тягостными впечатлениями. Но надо ясно себе представить ту эпоху, ее нравы, уклады, воззрения, — как много пришлось Чехову работать над самим собой, над преодолением окружающей косности, заветов, традиций, суеверий и грубости!

Сейчас вышла книга его брата, Мих. Павловича: «Вокруг Чехова». Это и о нем самом, это еще и «Встречи и впечатления».

Откуда произошел «Антоша Чехонте» — первый псевдоним Чехова?

В Таганроге, на родине Чехова, жил соборный протоиерей Покровский, красавец человек, любивший щегольнуть и своей ученостью и своей нарядной рясой, обладавший превосходным, сильным баритоном, — раньше он готовился в оперные певцы. Об Антоне Чехове и его братьях он пророчил их матери: — Из ваших детей, Евгения Яковлевна, не выйдет ровно ничего.

Это он, первый, назвал Чехова «Антошей Чехонте», — прозвище, ставшее впоследствии чеховским псевдонимом.

Когда, через несколько лет, по случаю примирения русских

властей с Фердинандом болгарским, были пушены в ход специальные «болгарские ордена», ими награждали выдающихся лиц и, кстати, деятелей печати. Чехову удалось выхлопотать болгарскую звезду и для прот. Покровского. Это привело его в большое удивление.

Мальчика Антошу пригласил к себе погостить в имение на Дону знакомый. По дороге мальчик выкупался в холодной реке и схватил тяжелую болезнь. Пришлось завезти его на еврейский постоялый двор. Этот случай оставил в нем яркие воспоминания. Постоялый двор и симпатичных евреев Чехов изобразил потом в своей «Степях».

Моисей Моисеевич, его жена и брат Соломон. Перенесена была первая тяжкая болезнь, она не прошла без следа. От нея Чехов со студенческих лет страдал геморроем.

Потом началось кровохарканье, пришла чахотка. Странность: Чехов, сам врач, упорно не желал советоваться с докторами. Вторая странность: меньше всего он допускал, что это — чахотка, хотя от нея умер его дядя, потом брат. И третье: Чехов упорно не хотел замечать свою болезнь. Это он-то, со своей острой наблюдательностью, строго критическим отношением к себе, своим непреодолимым кашлем, иногда длив-

шимся целые ночи. Его мать сокрушенно говорила по утрам: — Опять Антоша всю ночь пробуха...

Уже знаменитым, в марте 1897 г., все еще ничего не предчувствуя и не подозревая, Чехов отправился из своего Мелихова в Москву. Там его ждал Суворин. Они сели в «Эрмитаже» за обед, и у мят. Павл. хлынула из легких кровь. Ея истечение не прекращалось. После припадка он пролежал целых двое суток в номере Суворина. Тут все стало ясным, — официально установили бугорчатку легких, — надо было спасаться, бежать от гнилой северной весны.

Гимназистом пятого класса, Чехов сам ходил утром на базар. Однажды он купил живую утку и всю дорогу тербелял ее, чтобы она побольше кричала.

Пускай все знают, — говорил он, — что и мы тоже кушаем уток!

За два года до этого Антоша Чехов стал изучать портняжное ремесло. Вскоре его брату Николаю понадобились серые гимназические брюки. Антон Павлович смело принялся за шитье. Тогда был в моде узкий покрой, и, пока Антон кроил, Николай, любивший щегольнуть, все время стоял тут же и приставал к нему:

— Поуже, Антон... теперь носят узкие брюки. Да крой же поуже!

И Чехов так накроил, что брюки не влезали на ноги. Тем не менее Николай, все-таки, нарядил себя, точно трико, надел штiblеты и, на радости, уличным мальчишкам, отправился гулять.

Брат! Глуп! Тью-тью! кричали уличные ребята, улыбаясь на него по дороге. Чехов пошел в карб. в Ливадийский меккарион.

Это выражение «штаны макароны» на всю жизнь осталось в семье Чеховых. Так и видишь

южный городишко, его уличную мальчишку и маленького гимназиста-франта, проходящего, под веселое улюлюканье, в огромных штiblетах.

Но и Москва тех лет не блистала и не околдовывала, была еще провинциальной и глухой, — кончи 70-х годов, — тогда в Белокаменную Евг. Яковлевна привезла своих двух детей, дочь и сына Михаила. Он была разочарован. Паршивенький Курский вокзальчик был совсем невзрачен и, по сравнению с Таганрогским вокзалом, казался совсем сарайчиком. Нерадостное впечатление произвели отвратительные мостовые, низенькие, обшарпанные постройкы, кривые, нелепые улицы и рваные извочки, — в Таганроге таких высмеяла бы вся улица.

Это было время неожиданностей и диких чудес.

Вдруг объявился, неведомо откуда, купеческий сын, назвавший себя «атаманом». Это был прогремевший тогда Ашинов. Он мечтал, подобно Колумбу, открыть какой нибудь новый материк и сделать его русской колонией.

В газетах были напечатаны объявления: Ашинов приглашает всех, ищущих простора и счастья, присоединиться к нему и отправиться вместе на новые места. Набралось около сотни семей. Авантюристы погрузились на пароход в Одессе и отплыли в обетованные места. Ашинов вытрусил их на берегу Красного моря, занял французскую колонию Обок и переименовал ее в «Новую Москву». Выкинули русский флаг и расположились лагерем.

Франция сделала России официальное предложение, что не имеет к Ашинову ровню никакого отношения, — ни к нему самому, ни к «Новой Москве»: атаман действует за свой собственный риск и страх. Тогда фран-

цузское правительство отправило в Обок крейсер. Ашинову было предложено немедленно же очистить берег и спустить русский флаг. Он категорически отказался, вероятно, надеясь на поддержку своих друзей в России, и крейсер открыл по «Новой Москве» огонь. Было перебито много женщин и детей. Некоторые семьи были взяты на борт крейсера, — сумасшедшая затея кончилась нелепо. Ашинова задержали и передали русским властям.

Дикий размах азартных планов рождался как бы сам собой в безрасчетных укладах самой жизни. Гимназист Чехов репетировал, готовя в юнкерское училище Петю Кравцова. Это был сын Казачьего помещика. Своего учителя на лето он пригласил к себе в степное имение. Чехов любил вспоминать об этих месяцах, об этой первобытной семье. В имении были такие злые собаки, что ночью нельзя было без страха выйти на двор и приходилось будить хозяев. Собак не кормили и пропитание они себе находили сами.

Там не знали счета домашней птицы, куры неожиданно приходили со своими новыми цыплятами, были совершенно дики, не давались в руки, и для того, чтобы иметь курицу на обед, в нее стреляли из ружья.

Чехов окончил университет, и на дверях его квартиры появилась дощечка с надписью: «Доктор А. П. Чехов». Он колебался между литературой и врачебной практикой. Решающим моментом в этой борьбе стали две смерти.

Жили в Москве три сестры с матерью и братом. Фамилия их была Яновы. Будущий декоратор театра Корша, потом Александринки, молодой художник А. С. Янов ввел Чехова к себе в дом, и когда сестры и мать одновременно заболели брюшным тифом, Чехов стал их лечить.

Совсем неопытный врач, но самоотверженный человек, Антон Павлович целые часы проводил около больных пациенток.

А тиф не уступал. Наконец, в один и тот же день скончалась мать и одна из дочерей. Умирая, в агонии, дочь схватила Чехова за руку, да так и испустила дух, крепко стиснув ее в своей руке. Чехова это потрясло. Он почувствовал себя в одно и то же время и бессильным и виноватым, и потом долгое время ощущал на своей руке холодное пожатие покойницы.

И тогда он решил бросить медицину, окончательно и навсегда — стать писателем.

Был в Москве такой человек по фамилии Гатцук. После отмены синодской монополии на издание календарей, он, первый выпустил свой «Крестный Календарь», потом стал издателем иллюстрированной еженедельной «Газеты Гатцука». С ним встречался и имел дела Мих. П. Чехов. С непокидавшим его юром Антон Павлович вышучивал брата:

— С Гатцуком знаком, с Прудонем несогласен и при часах ходит.

У самого Ант. Павловича в ту пору карманных часов еще не было.

Чехов любил шутить, шалить, иногда весело дурить, и на даче в Бабкине, по мальчишески веселился с Левитаном.

Вечерами они надевали бухарские халаты, Чехов мазал себе лицо сажей, и в чалме, с ружьем выходил в поле, по ту сторону реки. Левитан выезжал туда же на осле, слезал на землю, застилал ковер и, как мусульманин, начинал молиться на восток.

Вдруг из-за кустов к нему подкрадывался бедный Чехов, падал в ноги, и Левитан падал на-

звничь. Получалась совсем «восточная картина».

В имении у Линдтваревых Чехова познакомили с некоей учительницей Лидией Федоровной. Она обогатила его замечательными выражениями:

— Липовая аллея из пирамидальных тополей.

Мих. Павл. вспоминает курьезные фразы и оговорки не только в случайной бытовой обстановке, но и на официальных, торжественных празднествах.

В Петербург пришла французская эскадра с президентом Лубэ. В честь французской прессы был устроен банкет печати. В ресторане «Медведь» собралось свыше тысячи человек, — среди них выделялся редактор газеты «Фигаро», Гастон Кальметт. В этот день он получил Анну на шею и, видимо, был очень доволен.

Гостям предложили великолепный ужин с зернистой икрой, осетриной, балыками, с красным борщем, танцовала Кшесинская, пела Вальцева, неистовствовал цыганский хор, текли и гремели речи, неслись тосты за Россию, за Францию, за печать, — «эту великую седьмую державу» и т. д. Но, вот, кто-то постучал, водворилась тишина и раздался удивительный тост:

— Поднимаю бокал за А. С. Суворина и мадам Анго.

— За кого? — спросил не расслышавший Суворин.

Оказалось, автор тоста ошибся, и, вместо «мадам Адан», — французской публицистки, сторонницы франко-русского сближения, — назвал «мадам Анго», героиню оперетки Лекюк.

Но — ничего: музыка заиграла туш, французы ничего не поняли, все стали неистово аплодировать, цыгане завопили и затопали ногами, — все пошло и полетело, как в чудесном вихре.

17 января 1900 г., как-раз в

самый день именин, Чехова выбрали почетным академиком. Все домашние обрадовались, а старая престарая кухарка Марьюшка, доживавшая свой век у Ант. Павловича в Ялте, многозначительно сказала:

— Теперь наш батюшка Антон Павлович, уже генерал.

Действительно, с этих пор, кто в шутку, кто в серьез, стали Чехова величать «наше превосходительство». Пришел как-то сам швейцар из Ливадийского дворца, и тоже, раз сто подряд, назвал его «превосходительством».

Внезапно, в конце мая 1901 г., Мих. Павл. узнал, что А. П. женился. Об этом он прочел в газетах, и сначала даже не мог понять, кто была его невеста. Но и другой брат, Иван, бывший в то время в Москве, увидевшись с Чеховым перед самым венчанием, всего за час до церемонии, узнал об этой женитьбе тогда, когда уже все совершилось.

Прошло три года. 3-го июля 1904 г. Мих. Павл. отправился в Ялту навестить мать и сестру. Когда пароход приставал к молу, кто-то стал махать с берега шляпой. Это был двоюродный брат Жорж, служивший агентом в Русском обществе пароходства. Он протянул рупором ладони ко рту и крикнул с берега:

— Антон скончался!

Все сразу померкло. Сестре и дядюго брату отправили срочную телеграмму, от матери решили скрыть. Она радостно встретила сына, стала угощать. Но начали появляться сообщения в газетах. Все же целых пять дней от матери утаивали страшную весть. Наконец, перед самым отъездом, открыли тайну. Мать схватилась руками за голову, опустилась на ступеньки лестницы, где стояла, и громко зарыдала.